

Анна
Айдарова

ПРОТОКОЛ
713

Анна Айдарова

Протокол 713

<https://litres.ru/74385843>

Аннотация

Худший способ провести отпуск — связаться с феем. Но кто сказал, что наука и магия не могут существовать вместе? Даша — нейробиолог, циник и волонтер, в свободное время помогающий животным. Она просто хотела спокойный отпуск и ничего больше! Вместо этого она нашла вполне себе симпатичного незнакомца, которому решила немножко помочь. А ведь сколько раз классик предупреждал: “Никогда не разговаривайте с незнакомцами”! Теперь у Даши есть: фей с немного черным взглядом на мир, зато уравновешенный, «Москвич», периодически превращающийся в сугроб, дистиллированная вода и полное отсутствие плана. Да, и еще, кажется, она влюбляется.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
К читателям	18
Глава 3.	22
Глава 4.	28
Глава 5.	32
Глава 6.	37
Глава 7.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1.

Запах одеколона въелся в подушку так глубоко, что, казалось, его невозможно будет выветрить даже после стирки. Я лежала на боку, натянув простыню до подбородка, и смотрела, как он застёгивает джинсы. Спина у него спортивная, рельефная — он ходил в тренажёрку три раза в неделю, я знала. Как только время находил! При нашей-то занятости...

Эд — ненавижу это имя, угораздило ж с таким жить! — сел на край кровати, оглянулся на меня и улыбнулся.

— Если хочешь в душ — давай быстрее. Скоро доставку привезут.

Я откинулась на подушку, прикрыла глаза. Тело ещё помнило его руки — быстрые, настойчивые, но без лишней нежности. Он не умел. Но это и к лучшему, наверное. Зато все честно. А честность я всегда ценила намного выше.

— Что ты заказал? — поинтересовалась я, потягиваясь.

— Всё, что ты любишь, Дашуль. В душ? Или...

Или! Ему мало что ли? У меня в голове уже щёлкнул переключатель: режим «работа» включился следом за словами про душ, а ему “или...”

— Эд, — мой голос был ленивым, чуть хриплым, я растягивала слова, чтобы звучало расслабленно. — Я завтра заеду в институт. Заберу бумаги из кабинета. И посмотрю что там со статьей. На пару минут.

Он резко обернулся.

— Нет.

— Ты даже не спросил, что за статья!

— Да плевать.

Он встал, натянул майку. Всё, продолжения не будет, мы разошлись.

— У тебя отпуск, Дашенька. Сегодня последний день был, если помнишь. Ты пропуск сдала? Формальности все закрыла? Закрыла-закрыла, я знаю. И всё. Никаких «заеду».

Я села, придерживая простыню. Под ложечкой неприятно похолодело. Я знала этот тон, когда он говорит «нет». Он не отступит. И кстати «нет» было его любимым словом последние три года.

— Я просто хочу посмотреть логи по проекту «Аномалия», — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал равнодушно. — Я вела его полгода, Эдуард. И в отпуске хочу спокойно поработать над материалами, обобщить уже имеющиеся результаты. И имею право...

Он подошёл к кровати и навис надо мной, упёрся ладонями в матрас по обе стороны от моих плеч. Его лицо оказалось совсем близко. От него шёл слабый аромат виски и мятной жвачки.

— Даша, — сказал он тихо, почти ласково, но в голосе прямо сталь и недовольство. — Ты слышишь себя? «Посмотреть логи». Ты как мышь, которая лезет в мышеловку за сыром и не понимает, что там уже сработал механизм.

— Ненавижу виски, — пробормотала я и немного отвернула голову, чтобы “аромат” не лез так настойчиво в нос. — Я имею право, Эд. В конце-концов, это мой отпуск и мой доклад на конференцию. Ты сам хоть понимаешь, какие результаты...

— Ты имеешь право на отпуск, — перебил он. — У тебя есть билеты? Нет. А ты планировала, между прочим, улететь завтра. Но ты здесь. Ты думаешь, я не знаю, зачем ты осталась?

Он наклонился ниже, почти касаясь губами моего уха. Его дыхание щекотало кожу. А запах стал нестерпимым. Ненавижу виски.

— Ты ловишь мышей там, где их нет. Давай займёмся лучше приятным, — промурлыкал Эд, разворачивая моё лицо к себе. А глаза оставались холодными.

Его рука скользнула под простыню, и я на секунду замерла. Тепло разлилось по животу, и соблазн — забыться, отключить голову, просто взять своё — почти победил. Но где-то глубоко, на самом дне сознания, зажглась красная лампочка.

«Он переводит тему. Опять».

Я перехватила его запястье.

— Эд. Я серьёзно. Флешку верни хоть!

— Я тоже, — он улыбнулся и настойчиво поцеловал... ну куда попал, где-то в районе щеки, а потом уха. — Даша, у нас есть полчаса до ужина. Я заказал суши. Завтра твой отпуск.

А ты хочешь испортить вечер разговорами о работе?

Я посмотрела на него — уверенного, циничного, обаятельного. Не красавец, да, но из него столько интеллекта прёт... а я так люблю умных мужчин — заводит покруче прыжка с парашютом. Но поняла, что не вытяну из него ни слова. Не сейчас. Может, вообще никогда.

— Ладно, — выдохнула я, отпуская его руку. — Иди. Я сейчас. В душ и приду за суши. Ты же не лишишь меня суши?

— Я подумаю, — высокомерно заявил он.

Детский сад, блин. Приколы на уровне подростков. Но куда хуже — понимать, что ничего он мне не скажет. И в институт меня завтра не пустят. Факт.

Эд выпрямился, коротко кивнул, вышел из спальни. Дверь закрылась с тихим щелчком. Я села на кровати, глядя на эту дверь, и почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение.

«Он ничего мне не скажет. Он вообще никогда ничего не говорит, когда речь даже чисто гипотетически может зайти о лаборатории. Что там такое, что он боится даже признаться?»

Я встала, накинула его рубашку — она висела на стуле, пахла его парфюмом — и пошла в душ. Пошло, но как есть.

Ужин прошёл гладко, как и всё в наших отношениях. Эдуард рассказывал о переговорах, о том, как он «порвал» конкурентов на тендере, о новом спорткаре, который собирает-

ся купить. Я кивала, жевала роллы и думала о том, что если бы я не была такой любопытной... я бы давно его бросила, и науку эту бросила, ибо больше мерзости, чем самой науки, и все эти подковерные мышинные бега бы... тоже бросила. Но я любопытная. И ещё я знала: мой интеллект — единственное оружие, которое у меня есть. И я не собираюсь им разбрасываться.

— Ты меня слушаешь? — он поднял на меня глаза и посмотрел недовольно.

— Конечно, — улыбнулась я. — Ты сказал, что купишь «Порше». Очень зелёный. И очень «Порше».

Он усмехнулся:

— Ты невыносима.

— Ты тоже, — я подняла свой бокал. — За нас. За то, чтобы я наконец уехала в отпуск и перестала тебя доставать.

Он слегка коснулся своим бокалом моего:

— За нас, — повторил он.

Я уехала через час. Эдуард предложил вызвать такси, я же выпила пару глотков за ужином. Потом уговаривал остаться. Но не очень настойчиво он всё это предлагал, так что я вскоре спустилась вниз, на парковку, и достала сигареты, пока машина моя прогревалась. Москва почти утонула в снегу, казалось, снег даже звуки поглощает. Хорошо. Не просто хорошо, божественно. Какое море, какие пальмы, когда такая красота вокруг!

А может... вообще не улетать? Я ненавижу перелёты. Оче-

реди, сборы, смена часовых поясов. Чего я там не видела? Надоело уже.

«Останусь, — решила я, залезая в машину и захлопывая дверцу. — Буду сидеть в Москве и вести жизнь тихого растения. Лучший отдых. Статью вот допишу... А в лабораторию заеду ровно один раз. И никому ничего не скажу, не выгонит же он меня! А может и вообще не заметит».

Снегопад усиливался, сигарета была докурена... Бросать надо эту привычку — после каждой близости курить и думать.

Я села в машину и выехала с территории.

Глава 2.

Я выехала с парковки, и снегопад сразу набросился на лобовое стекло, как обезумевшая стая белых мотыльков. Дворники едва справлялись. Москва ещё не спала, но затихала: огни в окнах гасли, таксисты перестраивались в правый ряд, чтобы подхватить подвыпивших пассажиров. А я повернула на Тверскую и поняла, что домой не хочу.

Совсем.

В московской квартире пахло пылью и одиночеством. Там была тишина, которую не заполнить ни телевизором, ни музыкой. То, что я больше всего ценила в этом мире. Там были стены и книги, которые я знала наизусть. Там не было ничего, что могло бы меня в тот день привлечь или удержать. А здесь, в машине, в этом вязком, мягком снегопаде — было.

И тогда я свернула на МКАД. А потом — на трассу в сторону области. Через час с небольшим я буду в посёлке. В доме, который достался мне от бабушки. Бабуля была уникальной личностью. Профессор математики, она сочетала в себе несочетаемое: строгое и ясное мышление и абсолютную непредсказуемость. А на ее пироги с яблоками все соседи приходили без приглашения, настолько аппетитные запахи разносились по округе...

Я обожала бабулю. Хотя и не всегда понимала — да и до сих пор не понимаю — ее принципы воспитания.

Дорога за городом превратилась в сплошное белое полотно. Фары выхватывали из темноты редкие столбы, верхушки сосен, заснеженные крыши придорожных домов. Я ехала медленно, потому что видимость была почти нулевая, но я ехала. И внутри меня разливалось странное спокойствие. Здесь не надо никому ничего доказывать. Здесь вообще ничего не надо. Разве это не лучший отдых?

Посёлок встретил меня тишиной. Уличные фонари горели через один, но я знала каждый поворот, каждую колдобину — в детстве я изъездила эти дороги до дыр. Да и потом, на машине, сколько раз я сюда приезжала... Я люблю этот посёлок. А Москву не люблю.

Дом наш стоял в конце улицы, у самого леса. Он двухэтажный, деревянный, с резными наличниками, которые бабуля каждую весну собственноручно белила, никому не доверяла. Забор — высокий, штакетник, крашенный синей краской, которая облупилась ещё в моем детстве. Все руки не доходят подкрасить. Теперь он почти весь в снегу, и казалось, что дом прячется в сугробе по самую крышу.

Я заехала во двор, припарковала машину рядом с крыльцом. Чтобы загнать в гараж моего четырехколесного коня надо этот гараж откапывать, нет уж! Я вышла из салона, и снег хрустнул под ногами. Мороз щипал лицо, но воздух был чистый, холодный, настоящий. И небо — высокое, чистое, темное. Бесконечное...

Включила свет в прихожей — старый абажур с кистями, который помнил ещё семидесятые, загорелся тусклым жёлтым светом. Стены пахли деревом и сухими травами. Бабушка всегда сушила мяту и зверобой на печке — у нас тут сложена настоящая печь, по всем правилам! А травы вот сушить уже некому. Только запах остался — въелся в доски, в половики, в старые обои с цветочками.

Все, на кухню первым делом! Чай, а все остальное подождет. На кухне моей всё было по-прежнему: круглый стол, покрытый клеёнкой в синий горошек, буфет с фарфоровыми чашками, которые бабушка собирала всю жизнь. На подоконнике — герань. Удивительно, но она ещё была жива, хотя я была здесь месяца два назад и с тех пор не поливала. Видимо, соседи заглядывали. Ваня, скорее всего. Он всегда присматривает за домом, когда меня нет.

Заварила чай, села у окна и смотрела, как снег засыпает сад. За окном — вишни, которые бабушка сажала когда они с дедом только получили этот дом и участок. Сейчас они стояли как белые призраки, ветви согнулись под тяжестью снега. Дальше — старый колодец, его деревянный сруб почти полностью скрыт сугробом. Рядом с колодцем — столик и скамьи, мы с бабушкой сидели тут летними вечерами и пили чай с вареньем.

Всё здесь казалось застывшим во времени. Как будто я никогда не уезжала. Как будто мне снова двенадцать, и завтра утром я побегу к друзьям, чтобы вместе строить снеж-

ную крепость...

Поставила чашку в раковину, выключила свет и легла на старый диван. Снег за окном всё падал. Я закрыла глаза и почувствовала, как в груди разливается странное, почти забытое спокойствие.

Утром я проснулась от света — конечно, про шторы-то я и не вспомнила. Солнце било в окно, отражаясь от белоснежного покрывала, которое укутало весь посёлок. Я подошла к окну и увидела, что моей машины нет. Ну, то есть она есть, но я не могла её разглядеть. Там, где вчера стояла моя «Мазда», теперь был ровный и красивый сугроб.

Я вышла на крыльцо, натянув пуховик до подбородка. Мороз щипал щёки, снег скрипел под ногами. Я обошла машину — капот не было видно, колёса похоронены где-то в глубине. Даже антенна торчала из снега как последний привет от цивилизации.

— Ну прекрасно, — сказала я в пустоту. — Просто прекрасно. Всю жизнь мечтала...

Я вернулась в дом, открыла холодильник. Там — ничего. Вот вообще ничего. Чай, конечно, есть, но чай без еды — это... это издевательство! Магазин в посёлке закрыт по понедельникам. Тётя Люда, продавщица, ездит в Москву за товаром. Это знают все, разумеется, кроме забывчивой меня.

Точно, вспомнила. Вчера, когда ехала, думала закупиться, но решила, что это может подождать до утра. Идиотка. Как

всегда. Быт к моей семье отношение имеет весьма опосредованное. Придется одеваться и идти к соседу.

Провалилась по колено, но всё равно упорно пробивала тропинку к калитке. Нет, лопату потом тоже надо попросить. Это ж кошмар, так ходить... так проваливаться! До соседа дойти, по счастью, можно было по заботливо уже вычищенной улице, и вскоре я уже настойчиво стучала в дверь его дома.

Ваня открыл почти сразу. В старой флисовой кофте, с кружкой в руках — чай или кофе, не пойму. Волосы взлохмачены, вид сонный, но он улыбнулся, как только узнал меня.

— Мать, ты чего? — сказал он, и в голосе слышалось тепло. — Потерялась? Заблудилась?

— Привет, — я попыталась улыбнуться в ответ, но зубы стучали. — У меня проблема. Снег. Много. Машину завалило. Я не могу выехать.

— А надо?

— Надо, Вань. У меня в доме только чай и тишина. Этого в избытке. А я кушать хочу.

— Забыла? Давай заходи, Светка такой завтрак сварганила... мmmm...

Тоже вариант! Тем более Ванькина жена действительно кулинар от Бога. Так что два раза меня приглашать не надо, и следующие полчаса меня кормили и поили чаем. Но машина всё равно была нужна. И лопата. Сначала машина, в

Москву, а потом лопата — откопать мою малышку, загнать и радоваться.

— Вань, — сказала я, — у меня машина превратилась в сугроб.

— Ясно. А я слышал, что такого не бывает, — усмехнулся он и сделал глоток из кружки.

— Бывает, ещё как бывает. Ты когда-нибудь видел сугроб высотой с мою машину? И я, между прочим, не могу её откопать.

— Откопаешь, — он пожал плечами. — Дам тебе лопатку, начнёшь — и откопаешь.

— Я не хочу, — сказала я честно. — И вообще, у меня продуктов нет. Я вчера приехала, думала, заеду в магазин, но уже поздно было. А сегодня магазин закрыт.

— Тётя Люда в Москву укатила, — кивнул он. — По понедельникам традиция.

— Вот именно. Можно я возьму твою машину? Я до города, на пару часиков. Закуплюсь и привезу твою машинку обратно. А то ты сейчас работать сядешь, а там снег падает. Тоже чудо превращения увидишь. А так...

— А так не увижу.

Он посмотрел на меня, прищурившись. И вдруг ухмыльнулся.

— Ну, ты знаешь, у меня есть одна. Только не обижайся. На моей Светусик в город едет — теща заболела, надо в больницу. Она бы тебя подбросила, только в городе останет-

ся — как потом обратно доберешься? Но я тебе другую дам.

— Что за машина?

— Сейчас увидишь.

Через пять минут я услышала, как в гараже глухо заурчал мотор. И звук этот... я узнала его сразу же! Такой звук может издавать только одна машина — советский автопром, который выглядит как доходяга, но ездит как зверь.

Из гаража выехал «Москвич». Ржавый, цвета выцветшего заката, модель, которую я видела только на картинках в интернете. У него были квадратные фары, поцарапанные бока и бампер, похоже, прикрученный проволокой. Но он ехал.

— Ваня! — сказала я, не в силах сдержать улыбку. — Ты серьёзно? Это тот самый? Который дед твой ремонтировал?

— Он самый, — кивнул он. — Живой, здоровый, даже печка работает, фары горят. Если не гнать — доедет. Я его перебрал, кое-что заменил — тебе понравится.

— А бензина там сколько? А не заглохнет? — я с сомнением любовалась на чудо советской природы.

— Полбака. Доедешь. Не заглохнет.

Я подошла к машине, открыла дверцу. В салоне пахло бензином, старым вельветом и чем-то ещё, что я не могла описать — запах детства. На сиденьях — чехлы в полоску. Руль тонкий, стальной. Приборная панель — аналоговая, с круглыми циферблатами. Там даже магнитола была, кассетная, но вряд ли работала.

— А ты помнишь, как мы в ней катались? — спросила я,

уже садясь за руль. — Дмитрий Егорович нас на озеро возил, помнишь?

— Ещё бы, — усмехнулся он. — А когда мы в багажнике ездили, и он не знал. А потом Анна Семеновна нас расколола.

— Бабуля, — вздохнула я. — Она всегда всё знала. Логика безупречная, жесткость феноменальная.

— А то.

Села за руль, а «Москвич» фыркнул на меня, чихнул, но через секунду начал ровно урчать. Я улыбнулась — несмотря ни на что, это была хорошая машина. И верная.

— Удачи, — кивнул Ваня. — Если что — звони. Откопаям и спасем.

— Тогда я спокойна.

Я выехала со двора, осторожно, потому что двор ещё не был чищен. «Москвич» хорошо держался, ехал ровно, несмотря на снегопад и плохую дорогу. Я повернула на трассу и поехала в сторону Москвы. Старый железный конь. Я даже улыбнулась, глядя на дорогу, хотя совсем не хотелось возвращаться в Москву.

К читателям

Мои дорогие! Спасибо, что открыли новую книгу и дочитали до этого раздела.

Знаю за собой эту слабость затягивать некоторые описания, из-за чего не всегда книгу удобно читать, но я постараюсь максимально исправить это в следующих главах, тем более, что героев ждет много приключений, а растягивать объемы, как вы знаете, без причины я не люблю.

Главы будут выходить через 1-2 дня, в процессе книга будет бесплатна. После статуса "завершено" книга повисит еще пару дней в бесплатном доступе, затем будет продаваться.

А пока вы ждете продолжения, приглашаю вас другую свою новинку в жанре темного фэнтези и магакадемии *"ОБРАТНАЯ СТОРОНА ТЬМЫ"* <https://litnet.com/shrt/APiQ>

Вас ждут:

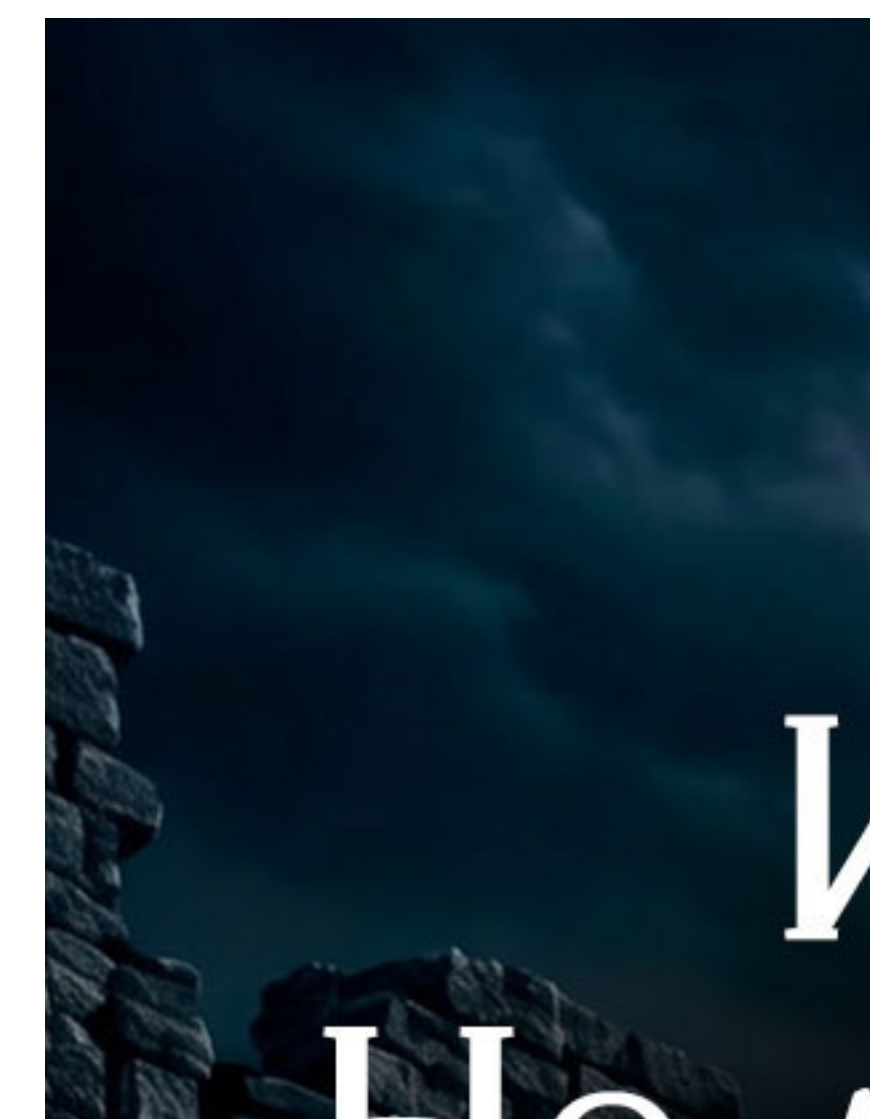
#Темная академия и тайны

Истинная пара

Госпожа и раб

Темное фэнтези с элементами dark romance

Откровенно, без цензуры

Глава 3.

Дорога до города занимает чуть больше часа. «Москвич» урчит ровно, как старый добрый кот, и я даже начинаю получать от этого удовольствие. Приборная панель тускло освещает салон, стрелка спидометра дрожит на отметке «шестьдесят», но я не гоню — снег на трассе ещё не убрали, и колёса то и дело срываются в юз. За окнами проплывают заснеженные поля, редкие деревья, крыши придорожных кафе с неоновыми вывесками.

Я прокручиваю в голове маршрут. Сначала — супермаркет у метро «Щукинская». Самая ближайшая станция к нам... а может, лучше до Тульской? Там магазинчик с таким хлебом... у меня аж слюнки текут, стоит вспомнить.

А в институт не поеду. Статья почти готова, я не сдала её Эдуарду, потому что в последний день перед отпуском у нас случился небольшой форс-мажор, и я просто бросила всё на столе. Сам умный, догадается проверить. А не догадается — позвонит. Всё просто. Не хочу. С охраной объясняться, Эд наверняка на месте и ему тут же доложат, что я приехала... Да пошло все! Копия у меня тоже есть, если приспичит поработать. Точно. Поеду на Тульскую, а потом по делам, как раз мне девочки вчера адрес для проверки скинули. Я уже пару лет состояла в волонтерском отряде: проверяли условия содержания животных в приютах, клиниках, у заводчиков.

Жаль, я сама не могла ни песика, ни кота завести. Хотела, но все что-то мешало.

Въезжаю в Москву. Город встречает меня серым, мокрым снегом, который уже превратился в кашу на дорогах. Дворники едва справляются с грязью, летящей из-под колёс грузовиков.

Супермаркет почти пустой. В будний день, в час обеда, здесь только пенсионеры с тележками и пара мамочек с детьми. Я быстро набираю продукты на пару дней и закидываю пакеты в багажник «Москвича», который открывается с характерным скрипом, и еду к приюту.

— Чёрт с ним, с институтом, — говорю я вслух, перестраиваясь в левый ряд. Неприятная ситуация, но переживу. Надо отвлечься.

Дорога занимает минут пятнадцать, но это кажется вечностью. Промзона встречает меня пустыми ангарами, заснеженными площадками и редкими грузовиками, припаркованными у заборов. Приют прячется за старым кирпичным забором, почти незаметный среди складов. Серое здание с круглой крышей, похожее на огромный барак. Штукатурка облупилась, краска на вывеске почти стёрлась, и только вывеску «Добрый друг» ещё можно разобрать.

Паркую «Москвич» у забора, выхожу из машины и оглядываюсь. Ни души. Вокруг — только снег, ветер и тишина, нарушаемая редким гулом трассы где-то вдалеке. Мне ста-

новится не по себе, но я иду к служебному входу. Дверь открыта, и я толкаю её — она поддаётся с протяжным скрипом, эхо которого разносится по коридору.

Внутри темно, я сначала хочу свет включить — чего мне стесняться? — но потом передумываю и подсвечиваю себе дорогу телефоном. Длинный коридор уводит куда-то вглубь. Стены — голый бетон, покрытый трещинами. На них висят старые плакаты: тигры, слоны, медведи. Цвета выцвели, лица животных стёрты временем. Под ногами — линолеум, местами порванный, с чёрными пятнами, похожими на плесень. Да уж... для животных место не подходящее, мягко говоря. Нет, я понимаю, что приют частный, без субсидий живет, но хоть минимальный ремонт сделать!

Я иду вперёд, шаги гулко отдаются в тишине. Коридор пахнет сыростью, гниющими опилками и чем-то сладковатым, удушливым — запахом, который я не могу определить. Возможно, это старый корм залежавшийся. Или вообще экскременты? На всякий случай делаю несколько фото.

Коридор выводит к вольерам. Они выстроены в ряд за тяжёлыми железными решётками. Часть занята. Обитатели вольеров оживляются, увидев меня. М-да... не зря приехала. Еще фото. И еще.

Шесть заняты, дальше пустые. Но сквозь живые звуки местных обитателей я слышу какой-то другой, странный... нетипичный звук.

И издает его не зверь... Это стон. Человеческий.

Замираю на месте. Сердце колотится в груди так громко, что, кажется, его слышно в тишине. Стон повторяется — глухой, сдавленный, тяжелый. Я иду туда, вглубь, в темноту.

Внутри одной из пустых клеток, на холодном бетонном полу, лежит человек. Молодой мужчина. Почти без одежды — ни майки, ни рубашки на нем нет, только джинсы, и те, грязные и рваные.

Руки связаны за спиной, верёвка врежется в запястья до крови. И вообще везде кровь и порезы, ожоги, следы от ударов. Кто-то очень методично, день за днём, издевался над пленником.

Я прижимаюсь лицом к решётке, чтобы рассмотреть. Мужчина не двигается, но я вижу, как вздымается его грудь — едва заметно, с трудом, но он дышит.

— Господи, — вырывается у меня.

Я смотрю на замок. Старый, железный, с крючком, который можно поддеть. Рядом валяется кусок арматуры — тут чего только не валяется. Я поднимаю палку, просовываю в щель, нажимаю — замок сдаётся с металлическим лязгом. Дверь открывается, и я захожу внутрь и чувствую, как дрожь пробегает по телу. Я наклоняюсь над мужчиной, касаюсь его плеча. Он дергается, то ли пытается отстраниться, а может реагировать по-другому в принципе не может.

— Эй, — говорю я, стараясь говорить тихо, чтобы не напугать. — Вы слышите меня?

Он медленно открывает глаза. Светлые, почти прозрач-

ные, с вертикальными зрачками, которые сужаются при свете. Он смотрит на меня, и в его взгляде — столько боли, что у меня сердце невольно замирает. Вот уж не думала, что я такая... чувствительная. Он не видит меня, смотрит сквозь, на потолок, в никуда.

— Помоги, — его голос хриплый, почти беззвучный. — Пожалуйста, — и морщится от света.

Я сглатываю. Обалдеть приюты здесь...

— Меня Даша зовут, я волонтер, проверяю приюты для бездомных животных, — говорю я, аккуратно начиная развязывать верёвку. Мне главное, чтобы в этой кошмарной тишине хоть что-то звучало. Да, я испугалась. Да! — Я сейчас помогу тебе. Слышишь меня? Ты только не отключайся. Ладно?

Скидываю куртку и укрываю свою страшную находку. Так теплее, и когда ран не видно, мне как-то поспокойнее. Верёвка тугая, узлы намокли от крови. Я работаю быстро, но каждая секунда кажется вечностью. В коридоре тихо, но за дверью могут быть люди. Те, кто оставил его здесь. И придти сюда могут в любой момент.

— Потом... — снова говорит он, и его голос становится чуть громче.

— О, ты заговорил. Что “потом”?

— Приходят... позже.

— Вот и хорошо, — отвечаю я, сосредоточенно развязывая узел. — Успеем уйти. А я что, вслух подумала? Надеюсь,

ты прав и тут точно никого нет.

Верёвка поддаётся, и я чувствую, как он выдыхает облегчённо. Ещё бы.

Отбрасываю окровавленную веревку в сторону и осматриваю его руки. Запястья изранены, кожа содрана до мяса. На теле — синяки, шрамы, раны и старые, и свежие.

— Нам надо уходить, — говорю я. — Ты можешь встать?

Он пытается приподняться на локтях, но не может. Я подхватываю его под руку, помогаю сесть и накидываю на плечи сползшую куртку. Он тяжело дышит, опираясь на меня и судорожно цепляется за ткань.

— Давай, тут стена, опирайся на нее. И на мою руку.

Он бормочет что-то, закрывает глаза и пытается отключиться.

— Нет-нет-нет! Слышишь? Тут недалеко!

Я трясую его и это на какой-то период времени помогает.

Потом и холодный воздух на несколько минут приводит его в чувство, и до машины дойти нам удастся почти без проблем. А поднявшийся ветер услужливо заметает оставленные нами следы.

Глава 4.

Везение — это хорошо. Но какое-то подозрительное оно, это везение.

Хотя можно ли назвать везением то, что сейчас передо мной...

Нам действительно повезло, что никакой серьёзной охраны в приюте для собак не было. Собственно, псы — лучшая охрана, даже в клетках: стоит появиться кому в коридоре — и поднимается лай. Надёжная сигнализация.

Я готова думать о чём угодно, лишь бы не о том, кто сейчас в моём кабинете, на скорую руку переоборудованном в лабораторию.

Странностей огромное количество. От внешности до других показателей. И я сто раз уже успела пожалеть, что вообще вошла в эту историю.

Я попробовала обработать раны — несколько оказалось достаточно серьёзными — и заполучила такую реакцию, что даже думать не рисковала, не то что продолжать. Кровотечение от моих “правильных” действий не только не остановилось. Оно усилилось, а края ран почернели. Я всё сделала правильно для человека в такой ситуации. Только вот мужчина из клетки вовсе не был человеком.

Но, наравне со страхом навредить ещё больше, во мне проснулся азарт. Не может быть, чтобы нельзя было подо-

брать нужный реактив.

Конечно, исходной формулы у меня нет. Но что-то же я выделила: опиаты, большое количество. И железо. У парня все вены исколоты. Эти придурки издевались как могли... и точно знали, как довести пленника до такого состояния.

Я смотрела на результаты моих исследований и чувствовала, как внутри закипает холодное, почти хищное любопытство.

Опиаты — понятно. Классический способ контроля: обездвижить, притупить сознание, сделать послушным. Но они не главное. Они — только инструмент.

Железо — вот что странно. На самом деле.

В крови человека железо — норма. Без него гемоглобин не работает, кислород не переносится. Но здесь... во-первых, железа здесь для человеческих норм достаточно. Только действует оно совсем иначе и в показателях выглядит чужеродным. Ощущение, что ему вводили чистый раствор железа, снова и снова, пока оно не начало разрушать всё, к чему прикасалось.

Я снова склонилась над микроскопом. Клетки крови выглядели странно. Деформированные, словно кто-то встряхнул их изнутри. Мембраны повреждены, ядра — словно выжжены. Железо окисляло, разрушало, превращало кровь в агрессивную среду. И атаковало организм во всю.

Я перевела взгляд с микроскопа на парня. Он лежал неподвижно, почти не дышал. Бледный до синевы, губы бесцвет-

ные. И вены на руках — иссечённые, в синяках и следах от множества уколов.

«Что они с тобой делали?» — пронеслось в голове.

Если у этого существа другой тип крови — не гемоглобин, а что-то иное, для чего железо не является необходимым элементом, а наоборот, выступает чужеродным агентом... тогда логично, что оно действует как яд. Вытесняет то, что должно быть на его месте. Встраивается, разрушает, блокирует.

— Откуда ж ты взялся... такой нестандартный?

Мысль про Эдуарда пришла внезапно и была почти соблазнительной. Он бы разобрался. Он всегда разбирался в сложных случаях. И ученый он от Бога, даром что в руководство подался. И умел мыслить нестандартно.

Я даже потянулась к телефону.

И замерла.

Нет. Эдуард — это не вариант. Он не станет рисковать своей карьерой ради какого-то «нестандартного пациента». Он спросит, где я его нашла, и когда я скажу «в приюте», он либо приедет с полицией, либо с дуркой. Или хуже. Он может решить, что этот парень — ключ к чему-то большому. И тогда...

Я убрала телефон.

Не вариант. Не моя специальность, но... мне нужно больше данных. Больше реактивов. И другой микроскоп. И мои запасы.

Все это в Москве. Может и не в самых достаточных коли-

чествах, но имеются.

Я снова посмотрела на парня. Он дышал, но каждые несколько минут дыхание становилось прерывистым, будто ему не хватало воздуха. Ждать нельзя.

Накинула пуховик, собралась и зашла еще раз взглянуть на моего подопечного.

— Я быстро, — пообещала я в пустоту. — Два часа. Не больше. Ты только не умирай.

Снег хрустел под ногами. «Мазда» моя завелась быстро, с пол-оборота, будто понимала, что мне очень срочно. Замечательная машинка. Ни на какой “Порше” не променяла бы. Я выехала на трассу, и в голове уже крутился список того, что нужно взять в Москве.

Глава 5.

Мне было, наверное, лет десять. И единственной ценностью для меня тогда (впрочем, сейчас ничего не изменилось) были книги. Читала я запоем, все, до чего могла дотянуться. И равнодушно на книги смотреть не могла: мне все было надо. Бабуля же кроме чтения признавала еще одну важную необходимость в воспитании ребенка, и звучало это примерно как “никаких перекосов!”. На бабушкином языке это значило, что ребенка (то есть меня) требовалось регулярно отправлять на улицу. Гулять. Дышать. Ага, в центре Москвы. Но я послушно выходила, пряча книгу и прячась сама от бдительного ока бабушки. Мне было все равно, где читать и что читать, лишь бы не отвлекали.

В очередной раз меня выставили за дверь, снабдив пакетом с мусором. До баков нужно было идти к противоположному концу дома, выставили нас с мусором так стремительно, что книжку я прихватить не успела, с бабушкой спорить — что с носорогом. Мы с пакетом поплелись любоваться веточками и листочками, травкой и цветочками, выбрасывать вышеозначенный пакет и придумывать предлоги для возвращения в квартиру поскорее. Предлоги до мусорных баков не придумались, зато, выбросив пакет и обойдя огороженное пространство с другой стороны я обнаружила целое сокровище! Кто-то оставил неподалеку целую гору книг!

Клянусь, никогда до этого и никогда после я не брала ничего из того, что было выброшено на помойку. Но здесь я не удержалась. Я оглядывалась, перебирая книги, тряслась от страха, что ввод сейчас кто-то поймёт, какую глупость совершил и вернётся за своим сокровищем. Но никто не вернулся. А я принесла домой целых две книжки. И ними я не рассталась бы ни за какие сокровища. Одну из них я зачитала потом до дыр. Это был сборник сказок британских островов, на английском языке. Вторая книжка представляла собой сборник неадаптированных легенд Северной Европы. Ну скажите, можно было такое сокровище оставить под открытым небом? Конечно нет.

Но эта находка сыграла со мной ещё одну шутку. В английской книжке я обнаружила несколько сложенных листов, явно вырванных из тетради. Обычные листы в клетку были испещрены странными значками: латинскими буквами, палочками, цифрами. Именно желание разгадать эти странные записи и привели меня к увлечению химией. И пусть я не посвятила этой науке все свое время, но интерес остался и пригодился в учебе. А на память я никогда не жаловалась.

Исследуя кровь моей находки, выписывая нестандартные показатели я всё никак не могла отделаться от мысли, что где-то видела уже подобные цепочки. Где-то на листах в клетку. И только подъезжая к своей московской квартире я подумала об этих листах. Если бы я не торопилась так, я обя-

зательно бы изучила всё это на месте, но я боялась — я боялась потерять время, я боялась не успеть, я боялась, что это окажется совершенно не то, что я помнила. Я сунула листы в сумку вместе с рядом препаратов и реагентов и поспешила обратно на дачу.

Те же символы, те же сокращения. Я уже не была подростком, который не отличает пептидную связь от водородной. Я видела знакомые цепочки, видела железо, хелаторы, нейротоксины. И в самом конце, на последней странице, красным карандашом было написано: «Fe-матрица + аскорбиновая кислота + дистиллированная вода».

Я перечитала это три раза.

«Fe-матрица». Железо. То самое железо, которое я нашла в его крови. Аскорбиновая кислота — она же витамин С, которая помогает выводить токсины. И дистиллированная вода — нейтральная среда, которая разбавляет концентрацию яда.

Это была инструкция. Я чувствовала. Наитие, которое орало буквально: это я, я помогу! Я знаю! Действуй!

Я подняла глаза на мужчину. Он по-прежнему лежал неподвижно, по-прежнему едва дышал.

— Ну что ж, — сказала я. — Проверим.

Еще немного крови для образца. Капли на стекло достаточно. И дистиллированная вода. Под микроскопом клетки, которые были хаотичны и разрушены, начали выстраиваться в цепочки. Серебристый отлив исчезал, кровь становилась

прозрачнее. Железо словно испарялось.

Я повторила эксперимент с аскорбиновой кислотой — результат улучшился. Соединение работало.

А потом сидела, смотрела на два простых ингредиента, и внутри меня разливалось странное тепло. Это работало! Это и правда работало!

Вот так просто... Минут двадцать — и все...

Наполнила шприц водой. Подошла к столу, на котором в забытии лежал мой подопечный. Мне было страшно, очень страшно.

Нашла вену.

И в этот момент он открыл глаза.

Резко, будто от удара. Его зрачки расширились, он увидел шприц — и всё его тело напряглось. Он попытался встать, оттолкнуть меня, заметался.

— Тише, — сказала я, стараясь говорить спокойно и доброжелательно. — Тише, слышишь?

Он не слушал. Он смотрел на шприц в моей руке и его глаза были полны ужаса. Он пытался говорить, но из горла вырывались только обрывки слов на непонятном языке.

— Это дистиллированная вода. Я введу этот раствор тебе в кровь, минут двадцать и тебе станет немного лучше, — сказала я, наклоняясь к нему. — Я знаю, что тебе страшно. Но если ты будешь дёргаться, я тебя свяжу. Ты понял?

Он замер.

Он смотрел на меня, и я видела в его глазах борьбу: между

инстинктом — бежать, спрятаться — и тем, что он услышал.
— Всё будет хорошо, — сказала я. — Только не дёргайся.
Я медленно, очень медленно ввела иглу в вену и надавила на поршень. Оставалось только ждать.

Вынула шприц, заклеила место укола пластырем.
— Всё, — сказала я. — Всё. Теперь попробуй поспать. Я понимаю, что здесь не очень удобно, но ты все-таки постарайся.

Он прикрыл глаза. Я сидела рядом и меня трясло. Каждый его вздох заставлял меня вздрагивать. Но напрасно. Минут через двадцать он затих совсем, задышал ровнее, руки потеплели. Ему явно стало немного лучше.

Я поправила плед и выдохнула. Но, конечно, все только начиналось.

Глава 6.

Отпуск предназначен для того, чтобы рабочая лошадка смиренно не таскалась на работу, а жевала овес и медитировала.

Овес я, конечно, жевать не стала, стоило, оно же отдых “где-то” предпочитала без переездов-перелетов-переходов. Стоило и медитация меня вполне удовлетворяли. На несколько дней. Еще на несколько дней меня вполне устраивала роль сиделки при странном существе, сутки напролет спавшим в моем кабинете. Собственно, от меня ничего не требовалось. Все “дела” с необычным гостем я придумывала сама.

Вообще, там действительно было за чем понаблюдать. Например, скорость регенерации была просто впечатляющей. И кровь — состав крови заслуживал отдельного изучения. И такая простая вещь, как дистиллированная вода как чудо-средство. И еще много всяких побочных моментов. А с точки зрения науки... такой экземпляр!..

Да, еще я категорически не хотела признавать очевидное: мне просто нравилось на него смотреть.

Мужчина спал. Спал на старом диване, который стоял в гостиной, потому что держать пациента на обеденном столе было даже для меня перебором. Ну еще какое-то время, когда жесткий стол представлял собой фиговую замену реани-

мационного блока — еще куда ни шло. Но потом-то... Да и раны, которые ещё вчера выглядели как входные ворота в ад, сегодня уже начали затягиваться. Быстрее, чем у человека. Намного быстрее.

Он выжил. Это было понятно уже к утру. Еще пару раз я проверяла кровь, давала дистиллированную воду, и через несколько часов его дыхание стало глубоким, цвет кожи вернулся к бледно-человеческому, а не к трупно-синему. Я не верила своим глазам, но факты оставались фактами: он был жив. И он выздоравливал.

И дошел до дивана он сам. Я честно пыталась страховать — все же травмы выглядели достаточно серьезными. Но он вполне дошел, и спал теперь после такого подвига уже сутки.

Налюбовавшись, я откинулась на спинку стула и уставилась в потолок.

— Ну и что мне с ним делать? — спросила я у потолка. Потолок, ясное дело, презрительно молчал.

Зато теперь, когда страх, что он умрёт у меня на столе, меня милостиво отпустил, я могла позволить себе роскошь подумать о том, кто он вообще такой.

Уже и так было понятно, что не человек. До первого забора крови я перебрала кучу версий от косплея до помешательства, которое вылилось в пластическую операцию. О генетических аномалиях, которые могли бы привести к формированию такой формы ушей мне слышать не доводилось.

Но чисто внешне никаких признаков пластики не было,

все выглядело вполне естественно и натурально. Как у британских фэйри из легенд. И как у народа холмов, который обитает в Исландии, и вроде даже до сих пор. Правда, мне приходилось бывать в Рейкьявике, посещать живописные холмы и даже один из непроизносимо именуемых вулканов, но с коренными обитателями встретиться так и не довелось. Так что наверняка я сказать не могла. Зато теперь вот увидела.

Пялиться даже на красивого мужчину столько времени подряд мне показалось уже перебором. А уйти я не могла никак — ну а вдруг ему станет хуже? И понадобится помощь?

Убедив себя в том, что, находясь рядом, я тут же замечу, если что пойдет не так, я взяла книгу. Выбор я сделала в пользу северных легенд. Нормально. Зато актуально.

Количество родов этих самых фэйри поражали. Они не только все были разными, по-разному выглядели, так еще и непонятным образом разделялись на Дворы. Сами по себе их описания не сильно отличались: что в Благом, что в Неблагом. Единственное, что я уяснила точно, так это наглый обман в названии. Благой двор, судя по тексту, имени своему вовсе не соответствовал.

«Их зрачки были вертикальны, как у кошек, а уши заострены, как листья ивы». Я посмотрела на своего гостя, крепко спящего на диване. Ну да, все верно. Всё совпадало. Кроме крыльев. Так что вариант качественной пластики я все же оставила как возможный вариант.

Есть же люди, которые разрезают себе язык, вживляют рога, оттягивают мочки ушей тоннелями, я уж молчу о татуировании белков глаз... Косплей, боди-модификации, желание быть не как все. Причин полно.

Состав крови в эту версию не вписывался. Совсем. Других мыслей тоже не было. И тоже совсем.

У эльфов в легендах всегда были крылья. Или нет? Я перелистала несколько страниц. В одних историях — да, в других — нет. Традиции путались сами, путали читателя и все становилось дико запутанным для всех, даже умных.

Нет, надо посмотреть. Я подошла к дивану и наклонилась над спящим.

Спал он крепко. Я осторожно протянула руку к его уху — просто чтобы проверить, настоящее ли оно, есть ли там швы, следы от операций.

Мои пальцы почти коснулись края мочки, как он открыл глаза.

Я замерла.

Он смотрел на меня. Спокойно. И точно без удивления. Пожалуй, даже с любопытством, но таким... циничным любопытством, как на червяка под стеклом.

— Вообще-то я хотел бы еще поспать, — заявил он, в упор глядя на меня своими невероятными глазами. — Я чувствую прикосновения, даже когда сплю. Так что тебе придется подождать со своим любопытством.

— Чего подождать? — спросила я, пытаюсь скрыть сму-

щение. Хозяйка я тут или кто в конце концов!

Я отдернула руку, конечно. Раз уж так сложилось.

— Пока я проснусь.

Он смотрел на меня.

— Ты... все-таки не человек? — спросила я, как будто это был самый насущный вопрос. Нет бы спросила, что с кровью или чем еще можно его лечить...

— Нет. И лечить меня не надо.

Я поперхнулась.

— Да у тебя на лице все написано, — буркнул он недовольно. — Дай поспать, а? Потом поговорим.

— А кто ты тогда? — спросила я, проигнорировав его просьбу.

Он рассматривал меня озадаченно. Но все же ответил:

— Ну... вы называете подобных эльфами... это близко. Но не совсем.

— Эльф? — Я повторила это слово, пробуя на вкус. — Ты хочешь сказать, что ты... эльф? Из сказок?

— Из легенд, — поправили меня. Вид при этом у него был недовольный, но в то же время мученический: он согласился бы с любым утверждением, лишь бы от него отстали.

— Бред, — сказала я. — Это невозможно.

— Отлично, — спокойно ответил он. — Это меня тоже устраивает. Спать можно теперь?

Я наконец взяла себя в руки, покивала молча. И вышла. Всё и так было слишком странно даже для меня. Нужно было

с этим как-то примириться. Ну или хотя бы попытаться.

Глава 7.

Когда любишь свою работу — делаешь ее с удовольствием. Ничего необычного, кстати. Я свою работу выбрала сама и обожала страстно.

Отпуск мне быстро прискучил: дом никаких особых мероприятий не требо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.